

Анатолий Цыганов
Тридцать седьмой год

Повесть. Рассказы

**КРЕПЧЕ УДАР ПО
КУЛАКУ, ЖУЛИКУ
ЛОДЫРЮ!**

Анатолий Цыганов

**Тридцать седьмой год.
Повесть. Рассказы**

«Издательские решения»

Цыганов А.

Тридцать седьмой год. Повесть. Рассказы / А. Цыганов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-961409-4

Продолжение событий 1929 года. Встреча на спецпоселении «раскулаченного» крестьянина Игната Терентьева с сыном помещика Ломова. 1937 год, приговор и расстрел Терентьева.

ISBN 978-5-44-961409-4

© Цыганов А.
© Издательские решения

Содержание

Препамбула	6
ЧАСТЬ I	9
1. Выселение	9
2. Где правда?	14
3. Спецпереселенцы	17
4. Нарымский край	21
5. Посёлок Новиково	23
6. Встреча с Василием Ломовым	26
7. План побега	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Тридцать седьмой год Повесть. Рассказы

Анатолий Цыганов

Дизайнер обложки Екатерина Анатольевна Лесихина

© Анатолий Цыганов, 2019

© Екатерина Анатольевна Лесихина, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4496-1409-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Цыганов Анатолий Фёдорович – родился 22 марта 1949 года в селе Сосновка Новосибирской области.

После завершения учёбы в Новосибирском геологоразведочном техникуме направлен работать в г. Воркуту. Работал в полевых партиях. Прошёл путь от техника до начальника партии.

Окончил Ухтинский государственный университет по специальности «геофизика». С 1988 года живёт в г. Ухта. В настоящее время работает в ОАО «Севергеофизика».

Печатался в газете «Заполярье», г. Воркута, газете «Ухта», литературном альманахе «Полярный следопыт», газете «Геолог Севера», альманахе «Белый бор», сборнике ухтинских авторов «Перекаты» и др. Автор сборника рассказов «Шаман», книг «Сейсмари», «Время было такое».

Член Союза писателей России.

*Посвящается трудпоселенцу (спецпереселенцу)
пос. Новиково Нарымского края
Шкардуну Семёну Фёдоровичу,
расстрелянному 6 октября 1937 года.*

Преамбула

«Совершенно секретно

Экз №1 30 июля 1937 г. Гор. Москва.

ОПЕРАТИВНЫЙ ПРИКАЗ

НАРОДНОГО КОМИССАРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА С.С.Р. №00447

об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и др. антисоветских элементов

Материалами следствия по делам антисоветских формирований устанавливается, что в деревне осело значительное количество бывших кулаков, ранее репрессированных, скрывшихся от репрессий, бежавших из лагерей, ссылки и трудпоселков. Осело много, в прошлом репрессированных церковников и сектантов, бывших активных участников антисоветских вооруженных выступлений. Остались почти нетронутыми в деревне значительные кадры антисоветских политических партий (эсеров, грузмек, дашнаков, муссаватистов, иттихадистов и др.), а также кадры бывших активных участников бандитских восстаний, белых, карателей, репатриантов и т. п.

Часть перечисленных выше элементов, уйдя из деревни в города, проникла на предприятия промышленности, транспорт и на строительства.

Кроме того, в деревне и городе до сих пор еще гнездятся значительные кадры уголовных преступников: скотоконократов, воров-рецидивистов, грабителей и др. отбывавших наказание, бежавших из мест заключения и скрывающихся от репрессий. Недостаточность борьбы с этими уголовными контингентами создала для них условия безнаказанности, способствующие их преступной деятельности.

Перед органами государственной безопасности стоит задача – самым беспощадным образом разгромить всю эту банду антисоветских элементов, защитить трудящийся советский народ от их контрреволюционных происков и, наконец, раз и навсегда покончить с их подлой подрывной работой против основ советского государства.

В соответствии с этим **ПРИКАЗЫВАЮ: С 5 АВГУСТА 1937 ГОДА ВО ВСЕХ РЕСПУБЛИКАХ, КРАЯХ и ОБЛАСТЯХ НАЧАТЬ ОПЕРАЦИЮ ПО РЕПРЕССИРОВАНИЮ БЫВШИХ КУЛАКОВ, АКТИВНЫХ АНТИСОВЕТСКИХ ЭЛЕМЕНТОВ и УГОЛОВНИКОВ.**

При организации и проведении операций руководствоваться следующим:

I. КОНТИНГЕНТЫ, ПОДЛЕЖАЩИЕ РЕПРЕССИИ

1. Бывшие кулаки, вернувшиеся после отбытия наказания и продолжающие вести активную антисоветскую подрывную деятельность.

2. Бывшие кулаки, бежавшие из лагерей или трудпоселков, а также кулаки, скрывшиеся от раскулачивания, которые ведут антисоветскую деятельность.

3. Бывшие кулаки и социально опасные элементы, состоявшие в повстанческих, фашистских, террористических и бандитских формированиях, отбывшие наказание, скрывшиеся от репрессий или бежавшие из мест заключения и возобновившие свою преступную антисоветскую деятельность.

II. О МЕРАХ НАКАЗАНИЯ РЕПРЕССИРУЕМЫМ

1. Все репресслируемые кулаки, уголовники и др. антисоветские элементы разбиваются на две категории:

а) к первой категории относятся все наиболее враждебные из перечисленных выше элементов. Они подлежат немедленному аресту и, по рассмотрении их дел на тройках, РАССТРЕЛУ;

б) ко второй категории относятся все остальные менее активные, но все же враждебные элементы. Они подлежат аресту и заключению в лагеря на срок от 8 до 10 лет, а наиболее злостные и социально опасные из них, заключению на те же сроки в тюрьмы по определению тройки.

4. Семьи приговоренных по первой и второй категории, как правило, не репрессированы.

5. Все семьи лиц, репрессированных по первой и второй категориям, взять на учет и установить за ними систематическое наблюдение.

III. ПОРЯДОК ПРОВЕДЕНИЯ ОПЕРАЦИИ

1. Операцию начать 5 августа 1937 года и закончить в четырехмесячный срок.

2. В первую очередь подвергаются репрессиям контингенты, отнесенные к первой категории.

Контингенты, отнесенные ко второй категории, до особого на то распоряжения репрессии не подвергаются.

3. В соответствии с обстановкой и местными условиями территория республики, края и области делится на оперативные сектора.

4. Оперативные группы укомплектовать необходимым количеством оперативных работников и придать им средства транспорта и связи.

5. На начальников оперативных групп возложить руководство учетом и выявлением подлежащих репрессированию, руководство следствием, утверждение обвинительных заключений и приведение приговоров троек в исполнение. Начальник оперативной группы несет ответственность за организацию и проведение операции на территории своего сектора.

6. На каждого репрессированного собираются подробные установочные данные и компрометирующие материалы. На основании последних составляются списки на арест, которые подписываются начальником оперативной группы и в 2-х экземплярах отсылаются на рассмотрение и утверждение Наркому внутренних дел, начальнику управления или областного отдела НКВД.

7. На основании утвержденного списка начальник оперативной группы производит арест. Каждый арест оформляется ордером. При аресте производится тщательный обыск. Обязательно изымаются: оружие, боеприпасы, военное снаряжение, взрывчатые вещества, отравляющие и ядовитые вещества, контрреволюционная литература, драгоценные металлы в монете, слитках и изделиях, иностранная валюта, множительные приборы и переписка.

Все изъятое заносится в протокол обыска.

IV. ПОРЯДОК ВЕДЕНИЯ СЛЕДСТВИЯ

1. На каждого арестованного или группу арестованных заводится следственное дело. Следствие проводится ускоренно и в упрощенном порядке.

В процессе следствия должны быть выявлены все преступные связи арестованного.

2. По окончании следствия дело направляется на рассмотрение тройки.

К делу приобщаются: ордер на арест, протокол обыска, материалы, изъятые при обыске, личные документы, анкета арестованного, агентурно-учетный материал, протокол допроса и краткое обвинительное заключение.

V. ОРГАНИЗАЦИЯ И РАБОТА ТРОЕК

2. На заседаниях троек может присутствовать (там, где он не входит в состав тройки) республиканский, краевой или областной прокурор.

3. Тройка ведёт свою работу, или находясь в пункте расположения соответствующих НКВД, УНКВД или областных отделов НКВД, или выезжая к местам расположения оперативных секторов.

4. Тройки рассматривают представленные им материалы на каждого арестованного или группу арестованных, а также на каждую подлежащую выселению семью в отдельности.

5.Тройки ведут протоколы своих заседаний, в которые и записывают вынесенные ими приговоры в отношении каждого осуждённого.

VI. ПОРЯДОК ПРИВЕДЕНИЯ ПРИГОВОРОВ В ИСПОЛНЕНИЕ

1 Приговоры приводятся в исполнение лицами по указаниям представителей троек, т. е. республиканских НКВД, начальников управлений или областных отделов НКВД.

Основанием для приведения приговоров в исполнение являются – заверенная выписка из протокола заседания тройки.

Народный комиссар внутренних дел Союза ССР

Генеральный комиссар государственной безопасности

Н. Ежов

Верно: Фриновский»

ЧАСТЬ I

1. Выселение

Новый тысяча девятьсот тридцать второй год Игнат Терентьев встретил в Новосибирском ИТЛ №1. Осенью двадцать девятого Игнат одним из первых попал под раскулачивание. Его и ещё двоих сельчан по решению райпятёрки по экспроприации и выселению кулачества Барлакского исполкома решили выселить из села. Чем руководствовалась пятёрка, Игнат так и не понял. Жил, как и все. Единственную мельницу, на которую потратил немало сил, передал государству. Да и какая с неё была польза? Неурожаи последних лет привели к тому, что крестьяне перестали возить зерно и мельница простаивала. Достаток семьи упал. Жили на грани обнищания. Вместе с ним выселили соседа, Петра Ваганова. У того и вовсе, кроме пустой избы, ничего не было. Правда, дом был добротный, срубленный дедом Петра, когда у семьи ещё водились деньги. Всё село собиралось на посиделки у Вагановых. В праздники до утра молодёжь танцевала под хозяйскую гармонь. С той поры, как выселили семью, смолкли разухабистые звуки кадрили. Дом пустовал, а потом в нём открыли клуб. Однако местные жители неохотно ходили в культурное заведение. У всех ещё в памяти были детские крики и стоны взрослых, когда тех буквально выбрасывали из дома.

Третьим должен был стать Тарас Сизов, которому удалось скрыться. Вместе с женой он ускользнул до прихода активистов, прибывших из соседнего села. Сельчане уважали Тараса и заранее предупредили Сизовых. Ходили слухи, что он сколотил отряд для борьбы с Советской властью, бойцы которого, совершая поджоги складов и амбаров с зерном, мешали укреплению власти большевиков, периодически совершая диверсии в окрестных сёлах. Поговаривали, будто отряд вместе с Тарасом уничтожили бойцы ОГПУ с добровольцами из коммуны «Красный Трудовик». Тогда же от пулевого ранения скончался руководитель коммуны Алексей Макаров. Но коммунары молчали, и слухи постепенно прекратились. Тело Макарова с почестями отправили в родное село, где похоронили в братской могиле вместе с погибшими в боях красноармейцами. Власти постарались выветрить всякое упоминание о сопротивлении раскулачиванию.

После выселения семьи Терентьева и Ваганова попали в разные пункты сбора, и их пути разошлись. Игната сразу отделили от семьи и поместили в камеру предварительного заключения, где он просидел до начала судебного разбирательства. Только на суде Терентьев увидел жену Александру, которая рассказала о своих мытарствах. Суд же вынес приговор: два года исправительных лагерей с последующей высылкой за пределы Сибирского края. Игнат толком не осознал, за что же его наказали. Если за наёмный труд, то крестьяне всегда помогали друг другу. Сам Игнат не раз работал на уборке соседских наделов. И другие поступали так же. Почему выбрали именно его? Откуда взяли убой скота? Сославшись на показания соседа? И этого он понять не мог. Он всегда был лоялен к Советской власти, вовремя платил налоги и никогда не высказывал порочащих власть слов. Игнат не знал, что наступление на кулаков уже через полгода примет массовый характер, что выселением кулацких семей займутся как органы ОГПУ, так и силы милиции. Ни вмешательство батрачества и местной бедноты, ни слабое сопротивление местных органов власти уже не могли остановить раскулачивание.

За два года у Игната выработалась привычка сутулиться и при каждом громком окрике втягивать голову в плечи. Всегда подтянутый, широкоплечий, сейчас он выглядел лет на десять старше. Заросшие щетиной впалые щёки подчёркивали остроту носа. На висках появилась седина, а некогда густая шевелюра поредела. От постоянного недоедания резко проступили скулы, а одежда висела мешком. Их бригада работала на строительстве многоэтажного дома.

Строительную площадку обнесли высоким забором, поверх которого была натянута колючая проволока. Из-за колючки заключённым были видны весёлые прохожие, спешащие по своим делам с такими же весёлыми и жизнерадостными детьми. Люди с опаской обходили место стройки, считая, что под бдительной охраной находятся воры и убийцы. Бригаду доставляли в крытом автомобиле с надписью «ХЛЕБ». Каждое утро, в шесть часов, машины выезжали из ворот тюрьмы, доставляя бесплатную рабочую силу на объекты. В это же время пекарни заканчивали выпечку, и транспорт доставлял хлеб в магазины. Понять, где тюремные автомобили, а где истинные «хлебозаводы» было невозможно. Всё было сделано так, чтобы не привлекать внимание жителей города, искренне считавших, что Советская власть заботится о качественном питании тудящихся. А с утра пораньше в торговые точки в больших количествах развозится свежий хлеб.

После раскулачивания Терентьева с семьёй привезли в ближайший пункт сбора, который находился в помещении бывших городских бань. Там уже ютились несколько семей с котомками и мешками. В основном это были бабы и ребятишки. Только изредка в молчаливой толпе показывалось измождённое бородатое лицо.

Уполномоченный передал бумаги сопровождения начальнику охраны и тут же уехал. Стоявший у входа милиционер указал Игнату свободное место. Ждать пришлось долго. Дети плакали, просили есть. Было сыро и холодно. Младшие жались к матери, а старшие с нескрываемым любопытством озирались по сторонам. Рядом разложила пожитки такая же многодетная семья. У них каким-то образом сохранилась домашняя утварь. Женщина предложила Александре закопчённый чугунок с водой, и та смогла напоить детей. Кто-то сунул полбуханки хлеба, поэтому удалось даже их накормить. Часам к четырём всё затихло, лишь иногда слышались вздохи несчастных женщин да плач детей. Временами кто-нибудь из матерей затягивал заунывную колыбельную песню, укачивая голодного ребёнка.

Наконец к ним вышел начальник охраны, зачитавший постановление исполкома. Согласно решению «тройки», Терентьев Игнат Кузьмич подлежал заключению под стражу до решения суда. О семье ничего не говорилось. Игната тут же увели два красноармейца с винтовками, а жена осталась с детьми. В растерянности она присела на скамейку, не понимая, радоваться ей или нет. Вернувшийся начальник попросил оторопевшую женщину освободить помещение. На её вопрос, что же делать, он вначале пожал плечами. Потом, видимо, пожалев детей, вынул из сумки краюху хлеба, передал девочке и посоветовал быстрее ехать домой. Терентьева начала голосить, что она не знает, как добраться до дома с такой оравой без копейки денег, да и дома того, наверное, нет уже. На причитания женщины обратила внимание соседка. Присев рядом, стала утешать расстроенную плакальщицу. Затем посоветовала быстрее забирать детей и отправляться в город, там можно хоть что-нибудь продать.

– Что же я продам? У нас всё отобрали! Мы же и с собой ничего взять не смогли! – запрочитала Александра.

Соседка её одёрнула:

– Ты радуйся, что отпустили. Говорят, нас отправляют куда-то в тайгу, на смерть. А ты домой возвращаешься.

– Да где тот дом? Всё ведь отобрали! – продолжала голосить женщина.

Но тётка вновь осадила:

– Бери в охапку детей и мотай отседа, покуда начальство не передумало. Наверняка, в селе остались если не родственники, то близкие соседи. Народ у нас жалостливый, приютят.

– Я и не знаю, куда идти, никогда в город не выезжала. Муж иногда выбирался, а на мне всегда домашние дела висели, – всхлипывая, пожаловалась Александра.

К женщинам подошёл мужик с окладистой бородой, густыми бровями и удивительно голубыми глазами, оказавшийся супругом этой тётки.

– Ты, ежели выйдешь из дверей, пройди прямо и аккурат упрешься в городской базар. Тут недалеко иттить. Могёт быть, встретишь кого из сельчан, а нет, так что-нибудь продашь и топай на вокзал. Там бери билет на пригородный до крайней станции, – посоветовал муж тётки. – Помнишь, как она зовётся?

– Вроде, Заводская, – рыдая, промолвила Терентьева.

– Вот и выбирайся отседова скоренько, пока дозволенье имеешь, – мужик вздохнул и пошёл прочь.

Собрав детей, Александра вышла из переполненного помещения. Слезы застилали глаза. Некоторое время она стояла в растерянности. Со всех сторон по улице спешили люди. У них был такой озабоченный вид, что бедная напуганная женщина не решалась к кому-либо обратиться. Всё же она осмелилась остановить одного из прохожих. Им оказался местный житель, который, к её удивлению, всё обстоятельно разъяснил и даже взялся помочь дойти до нужного места. С его помощью Александра без труда добралась до рынка. Там шла бойкая торговля. Скорее, даже не торговля, а натуральный обмен между городом и деревней. Странно было видеть, как зазывали к своим прилавкам бородатые мужики, меняя зерно на топоры, деревянные ложки на железные гвозди, или выделанные овечьи шкуры на хомуты. Деньги были не в ходу, да и не водились они у крестьян. Тем не менее, торговля была в разгаре. Расспросив торговцев о телегах с дровами, она пошла по рядам. На счастье, в самом конце обозных рядов увидела лошадь соседа. Телега была нагружена берёзовыми чурками. Сосед, Захар Овчинников, уже договорился с покупателем и собирался доставить ему дрова. Он издали заприметил женщину с оравой детворы. Александра сразу узнала соседа и радостно устремила к нему. Отдышавшись, Терентьева хотела рассказать о своих мытарствах, но вместо этого разрыдалась. Тогда Захар велел всем оставаться на рынке и ждать, а сам выехал по адресу покупателя. Быстро обернувшись с дровами, повёл всю семью в чайную, которая находилось недалеко от рынка. Возле неё стояло с десятков разномастных телег. Лешади жевали сено, пока хозяева перекусывали. Сосед по хозяйски открыл непомерно высокие двери заведения, за ним робко переступила порог Терентьева, пропустив впереди себя своих отпрысков. В помещении было тепло и уютно. За столами сидели бородатые мужики и неспешно вели разговоры. В воздухе стоял знакомый запах дёгтя и лошадиного пота. Захар усадил всех за свободный столик и заказал незамысловатую снедь с горой хлеба. При этом детвора голодными глазами следила за тем, как расставляются блюда на столе, после чего с жадностью набросилась на еду. Накормив в первую очередь детей, Александра стала рассказывать:

– Когда выселяли, всё отобрали. Ничего не дали с собой взять, даже ложки пересчитали. Продукты забрали. Считаю, голыми отправили. Дети-то что им сделали? Привезли, бросили. Игната в тюрьму забрали. А на вас, говорят, указаний нет. Захар, что нам делать?

Сосед участливо выслушал и предложил свою помощь:

– Ты, Ляксандра, шибко не расстраивайся. У меня, конечно, не хоромы. Своих пятеро. Но тебя пристрою. Стайка у меня тёплая, даже пол деревянный – жить можно. Корову пришлось сдать за налоги.

– А как же дом наш? – осторожно спросила Александра.

Захар вздохнул и троекратно перекрестился:

– Дом власть опечатала. Пока пустой стоит.

– Как же мы без вещей?

– Кое-какие вещи справим, а работать у меня в артели будешь. Так что и детей накормишь, и сама будешь при деле.

Поговорив ещё о последних сельских новостях, Захар засобирался домой. Детей Александра разместила на телеге, а сама с трудом уселась рядом с возницей. Впервые увидев город, она не переставала удивляться суетливой жизни горожан, толчее и многоголосью улиц. Дети притихли и тоже с удивлением рассматривали незнакомую обстановку. Миновав город, телега

загромыхала по колдобинам просёлочной дороги. Сосед молчал. Да и о чём вести беседу? И так понятно: начинать всё сначала, да ещё с кучей детишек, мягко говоря, затруднительно, но надо жить.

Благополучно добравшись до села с родным названием Кубовая, Александра Андреевна всплакнула. Милый дом, такой когда-то близкий, вдруг ставший чужим, сиротливо возвышался на окраине. Покойный свёкор, Кузьма Семёнович, бывало, выйдет на крыльцо, стукнет кулаком по добротной двери, да как гыркнет во всё горло: «О-го-го!» Подхватит крик эхо и ухаёт со всех сторон, постепенно затихая. Такая звенящая тишина наступает, что уши закладывает. И вдруг лес, подступающий со всех сторон к дому, взрывается гомоном птиц. Красота!

Сейчас на дворе было тихо. Ни щебета птиц, ни голосов соседей. Тишину нарушал только скрип колёс. На двери висел замок. Окна с резными ставнями были крест на крест забиты досками. В некоторых из них отсутствовали стёкла, и развевающиеся белые занавески смахивали на флаги капитуляции. Только высокое крыльцо с перилами напоминало о былом величии. Возле крыльца лежал засохший фикус. Кадку из-под корней фикуса кто-то утащил. Кругом валялся мусор и обрывки одежды. Убитую собаку так никто и не убрал, и распухший трупик животного, облепленный синими мухами, источал мерзкое зловоние. Дети бросились к своим воротам, но в недоумении остановились, оглядывая непривычную обстановку. Вернувшись к матери, с удивлением увидели, что подъезжают к чужому подворью. Сосед въехал во двор и показал тёплую стайку:

– Ты вот что, Ляксандра. Обустраивайся. А мы с бабой какие ни на есть, вещи подберём.

Расторопный сосед притащил железную печь, ранее служившую для копчения сала, приладил трубу и вывел её через крохотное оконце, отчего в хлеву стало темнее. Но, когда печь затопили, повеяло живительным теплом. Во дворе нашёлся горбыль, из которого соорудили полати, и дети тут же на них забрались. Намаевшись за последние дни, они заснули. Александра набила соломой принесённые соседом мешки и осторожно подсунула под спящие головы детей. Сама села возле печи, невесело обдумывая дальнейшую жизнь. Перво-наперво надо узнать, куда отправили Игната, потом дети и работа. Мрачные мысли, охватившие голову, выворачивали мозг и отдавались головной болью. Несчастливая женщина заснула.

На другой день, опасливо озираясь, стали приходиться сердобольные соседи. Женщины повздыхали, всплакнули, обнимая детей, и разошлись по домам. А через некоторое время к Терентьевым робко протиснулся соседский мальчишка и встал у двери.

– Чего тебе? – спросила Александра, думая, что он пришёл не вовремя поиграть с детьми.

– Тётъ Шура, меня мамка прислала вам кое-что передать.

Мальчик протянул чугунок, завернутый в тряпицу, и тут же убежал. Вслед за ним один за другим потянулись другие соседские дети с вещами. Кто-то принёс топор, кто-то деревянные ложки и самодельный нож. Приходили мужики. Эти молча курили и перед уходом обязательно оставляли съестные припасы.

За два дня Александра смогла кое-как обустроить быт. На полатах появились набитые соломой матрацы, на полке, возле печи, посуда. Пол она вымыла и поскоблила. Стайка преобразилась и приняла жилой вид. Дети резвились тут же, забыв злключения прошлых дней. На третий день сосед позвал на работу. Небольшая артель по заготовке дров состояла из четырёх мужиков и четырёх баб. Мужики пилили лес, кололи распиленные чурбаки, а бабы укладывали поленья на сани, Александру поставили на сбор хвороста, который увязывался аккуратными вязанками. Работа была не в тягость и двигалась споро. К вечеру, увязывая последний воз, сосед заметил:

– Вот что, Ляксандра, я ноне еду в город. Поспрашаю, куда определили Игната.

Терентьева всплеснула руками:

– Да как же ты узнаешь? Город-то больно громадный.

– Ничего, кругом люди. Да и откуда его взяли известно. Вот там и начну поиски. Найдём твоего мужика. Не сумлевайся.

На следующий день Александра с трудом дождалась вечера. Весь день пошёл кувырко-ком. Вязанки хвороста разваливались в руках, верёвка запутывалась и постоянно попадала под ноги. В конце концов, напарница её прогнала, и Александра занялась костром. Глядя на огонь, она ещё раз задумалась о своей жизни. Нарожав кучу детишек, что она видела? Даже в город не пришлось съездить. Все силы отнимала работа по дому. Было ли в её жизни счастье? Муж приносил в семью достаток. Дети были сыты, одеты и ухожены. Да, работали много, но и в праздники веселились. Кажется, что это всё было совсем недавно. А что сейчас? Как же налаживать жизнь? Как поставить на ноги детей? Что с мужем? От невесёлых мыслей и навалившихся забот женщина расплакалась.

Вечером приехал из города Захар. Молча распряг лошадь, отдал жене мешок с купленным товаром и подошёл к нетерпеливо ожидавшей женщине. Передав гостинцы детям, он, не торопясь, вошёл в стайку. За ним поспешила Терентьева. Сосед присел возле печи и закурил аккуратную самокрутку. Александра от нетерпения вся подалась вперёд.

– Значит так, Ляксандра. Разузнал я про твоего мужика. Всё как есть разузнал, – сосед затянулся сигаркой и, выпустив дым в приоткрытую дверцу печи, замолчал.

– Захар, не тяни ты душу, – взмолилась женщина, – говори скорее.

Сосед откашлялся и погрозил пальцем:

– Ты, Ляксандра, меня не торопи. Мне надо всё по порядку сообщать. Что бы ты всё правильно поняла. Значит, суд будет через пять дней. Тогда можно с Игнатом увидеться. А пока разрешение не дают. Находится он в камере предварительного заключения, и свиданка с ним запрещена. Как отправишься на суд, возьми тёплые вещи – я кое-что соберу.

– А зачем же тёплые вещи? Может, оправдают? – Александра смахнула слезу.

– Не надейся. Знающие люди подсказали, ещё ни один не вернулся.

Сосед для приличия ещё посидел, докурил самокрутку и, перекрестившись, пошёл в хату.

В назначенный день Захар запряг лошадь, и Александра поехала на суд. Увидев мужа впервые после ареста, она ужаснулась произошедшей с ним перемене. Терентьев осунулся и ссутулился. Заросшие щетиной скулы придавали старческое выражение лицу. Взгляд стал безучастным и направленным куда-то в глубь себя.

Заседание суда длилось недолго. Судья зачитал дело и огласил приговор. Терентьеву удивила простота и быстрое окончание заседания. Ни допрос свидетелей, ни доводы документального освидетельствования не повлияли на приговор. После заседания ей удалось перекинуться с Игнатом несколькими фразами и передать вещи, которые тщательно проверила охрана. Александра так же узнала, где будут содержать мужа и когда разрешены свидания. Обливаясь слезами, она вернулась в село.

2. Где правда?

После оглашения приговора Терентьев пытался добиться правды, писал заявления в районный исполнительный комитет, окружной исполком, сельсовет, но они пропадали неизвестно где. При этом следователь, которому Игнат передавал бумаги, уверял, что даёт им ход. Дни шли за днями, а ничего не менялось. Терентьев не знал, что на каждый документ накладывалась резолюция: «Лишение избирательных прав Терентьева Игната Кузьмича считать правильным как злостного эксплуататора батрачества и бедноты».

А всё началось с характеристики хозяйства Игната. В характеристике рукой секретаря сельсовета было написано:

«Терентьев – кулак, индивидуально обложен, хозяйство его одно из кулацких с. Кубовая, ноне обложено впервые индивидуально. Он наряду с постоянной работницей эксплуатировал скрыто наёмную рабочую силу, т. к., имея два трудоспособных при восьми едоках, не мог своим трудом содержать хозяйство без наёмного труда. Имел наёмных от 90 до 100 трудодней.

Терентьев умышленно укрывал посев 1,5 десятин. Злостно уничтожал хозяйство, в особенности рогатого скота».

Характеристика с самого начала легла на стол председателя райисполкома, и любая жалоба Игната сразу опротестовывалась и с соответствующей резолюцией возвращалась. Следователь подшивал очередную бумагу к постепенно разбухающему делу, и всё стопорилось. На очередном свидании с женой Терентьев, вздыхая, пожаловался:

– Саша, у меня такое впечатление, что я стучусь в глухую стену. Ты стучишь, а ответного звука нет, и все твои потуги возвращаются вхолостую, без ответа. Неужто следователь придерживает мои заявления? Попробуй ты обратиться в район, может, бумага проскочит мимо тюрьмы.

Поплакав на плече мужа, Александра Андреевна по возвращении в село обратилась к Овчинникову, который умел читать и писать. Он мог грамотно составить любое прошение. К нему часто обращались неграмотные сельчане. Захар никому не отказывал, поэтому Терентьева сразу пошла к нему. Было ещё светло, когда женщина вернулась из города. Захар был дома, пил чай. Накануне, совершив удачную сделку, он купил на рынке плиточный прессованный чай и теперь наслаждался густым ароматом редкого китайского напитка.

Александра робко переступила порог и обратилась к Овчинникову:

– Захар, я хочу заявление в Райисполком отправить. Помоги написать.

Она, как могла, объяснила соседу суть жалобы. Тот почесал затылок, затем, спохватившись, пригласил гостью к столу. Но Терентьевой было не до застолий. Взмолившись, она Христом-Богом уговорила Захара написать заявление. Тогда он неохотно взялся за составление бумаги. К вечеру из-под пера соседа под диктовку Терентьевой было написано следующее:

**В Барлакскую районную комиссию
по лишению избирательных прав
(при Райисполкоме)
от гражданки села Кубовая Барлакского района
Терентьевой Александры Андреевны
ЗАЯВЛЕНИЕ**

В феврале месяце текущего года муж мой Терентьев Игнат Кузьмич был осуждён Нар Судом по ст. 79 УК якобы за эксплуатацию наёмного труда и за умышленный убой скота.

Суд вынес ему приговор: 2 года лишения свободы и высылку за пределы Сибирского края.

Сразу же после суда, когда мой муж был отправлен в Новосибирский ИТЛ №1, Кубовинский сельсовет лишил его права голоса, отобрав на этом основании всё наше имущество.

Между тем нетрудового заработка в нашем хозяйстве не числилось. Чужим наёмным трудом мы так же не эксплуатировали. Сельхозмашин в нашем хозяйстве не имелось. Мельница фактически принадлежит коммуне «Красная Заря», что может подтвердить мельник Руленко М И. Все налоги и госповинности мужем выплачивались своевременно, весь хлеб, свыше 238 пудов (при посеве 8 десятин), также сдано государству незамедлительно, в чём имеется на руках документ.

А потому, прилагая при сём справку члена сельсовета Сергиенко-сборщика денежных сумм, подписку гр-на Бочкарёва Ивана Фёдоровича, подтверждающего о том, что никакого скота резано не было, я ходатайствую районной комиссией о пересмотре дела в отношении моего мужа Игната Терентьева и восстановлении его в избирательных правах.

Со слов Терентьевой записал: Овчинников

Просительница: подпись, А. Терентьева.

Захар прочитал заявление вслух, и Александра поставила корявую подпись. Затем она отдала соседу две справки, которые Захар приложил к документу:

СПРАВКА-ПОДПИСКА

Дана настоящая в том, что я, гр-н села Кубовая Барлакского района Бочкарёв Иван Фёдорович никакого скота не резал у заключённого Терентьева Игната.

Я, Бочкарёв Иван, об этом ничего не знаю, в чём в присутствии свидетелей подписываюсь.

Подписи свидетелей

Подпись моя по личной моей просьбе расписался: Рогожин.

СПРАВКА

Выдана гр-ну села Кубовая Терентьеву Игнату Кузьмичу в том, что он действительно рассчитался со всеми задолженностями всех видов, как-то: с/н, страх платежи, землеустройство, самообложение.

Что удостоверяется.

Сборщик: Сергиенко.

На следующий день Захар аккуратно сложил в холщовый мешок все бумажки, запряг лошадь и выехал в райцентр, находившийся в селе Барлак. В приёмной исполкома у него приняли заявление, и секретарь, молоденькая черноволосая девушка с неестественно узкими плечами, внесла его в реестр входящей документации. На вопрос Овчинникова о дальнейшей судьбе заявления девушка пожала плечиками и ответила, что всё зависит от решения председателя.

– О результате вам сообщат, – с милой улыбкой пропела секретарша и упорхнула в кабинет председателя. Захар так и не понял, куда и кому сообщат, так как девушка не записала даже адрес. Он забыл, что на заявлении был записан адрес Терентьевой. Он так же не учёл, что любое заявление от члена семьи репрессированного направляется в органы ОГПУ. Постояв ещё несколько минут в приёмной, Захар вернулся к лошади и поехал домой.

Ночью за Захаром пришли. Терентьева спала и не слышала, как явились в дом два милиционера с уполномоченным ОГПУ, как они производили обыск и уводили соседа. Утром Александра застала плачущую жену соседа среди разбросанного тряпья. Что искали «слуги закона» у полунищего крестьянина? Неужели следы заговора против Советской власти или оружие для её свержения? Кто теперь их понимает? В последнее время всё перевернулось. Вроде, власть народная, а народ всё больше её боялся. Не жалеют ни взрослых ни детей. Напуганные, они прижимались к матери и вздрагивали от малейшего стука. Бедная женщина ничего не понимала, а только в голос причитала.

3. Спецпереселенцы

*Зачем вы от них отказались?
За что же сослали вы их?
Они уж себя не жалеют,
Лишь жалко им деток своих.
Согнали их всех беспричинно
В веселье майские дни,
Ох, сколько здесь маленьких деток
В сырую могилу легли.
(Из песни о горькой доле спецпереселенцев)*

Двадцатого февраля тридцать второго года Игната Терентьева вызвали к следователю. Охранник завёл Игната в следственную камеру и встал за дверью. В камере находился следователь со знаками отличия капитана внутренних войск. Перед ним на столе лежала серая папка. Терентьев доложил статью и остался стоять возле двери. Следователь за столом перелистывал какие-то бумаги. Сложив их в папку и мельком взглянув на Игната, он вежливо предложил сесть. Когда Игнат опасливо присел на краешек стула, тот пододвинул к нему папку. На ней аккуратным почерком было написано:

ДЕЛО

по жалобе гр. села Кубовая Кубовинского с/с

*Барлакского района
Новосибирского округа
ТЕРЕНТЬЕВ Игнат Кузьмич
На неправильное лишение избирательных прав.*

Начато 15 мая 1930 года

В деле были подшиты все заявления Игната с резолюциями различных органов власти об отказе в рассмотрении дела. Как под копирку везде значилось: «Оснований нет. Отказать». Там же находилась странная выписка, написанная рукой секретаря сельского совета:

ВЫПИСКА из протокола №8

Заседания Кубовинского с/с совместно с батрачко-бедняцким активом и середняцким активом.

Присутствовало 50 человек

Председатель Епачинцев Г Д

Секретарь Деревнин В Д

Повестка дня:

О ходе весеннего сева, коллективизации и кулачестве.

Разное.

Слушали по первому вопросу о ходе сева и коллективизации и о кулачестве.

Постановили Заслушав и обсудив доклад о ходе весеннего сева, коллективизации и кулачестве

Заседание с/совета с бедняцким, батрацким и середняцким активом постановили:

Взятая партией линия на сплошную коллективизацию верна и на основе этого полная ликвидация кулачества как класса правильна.

В целях укрепления колхозного строительства и снятия антиколхозной работы кулачества просить районные директивные о выселении кулака *Терентьева Игната Кузьмича* из села Кабовая за пределы района как злейшего врага и вредителя колхозного строительства.

Пред. сельсовета

Верно:

секретарь с/совета: n/n

Выписка вызывала явное сомнение, так как была датирована двадцать девятым годом. Игнат был на том собрании и вопрос о его высылке не стоял. Самого понятия «раскулачивание и высылка» никто даже не слышал, а Терентьев был уважаемым человеком в селе. В выписке, кроме того, фамилия Игната была вписана другими чернилами и другим почерком. К выписке была прикреплена справка с резолюцией:

СПРАВКА

Выдана Кубовинским с/советом в том, что гр-н с Кубовая Терентьев Игнат Кузьмич держал скрыто батрака под видом члена семьи Проспирина Василия, эксплуатировал наёмный труд: Адамова Василия, Сидоренко Якова, Гудкова с заимки.

Во время коллективизации растранижил своё хозяйство, скот. За что судим. Что местный с/совет свидетельствует.

Июня 1930 №36

Резолюция красным: «лишен, выслан по 2к»

Обидно было то, что собрание вёл известный пьяница Гришка Епачинцев, который для новой власти стал уважаемым человеком. Раньше Гришка перебивался случайными заработками и вечно шатался пьяным по селу в рваной рубаше и с гармошкой. В девятнадцатом он пропал и появился через три года, перепопсанный ремнями, с маузером, которым размахивал при каждом удобном случае. Пил он всё так же, но ходил без гармошки, так как состоял в партии большевиков и считал несолидным для себя брать в руки инструмент. Был он уполномоченным по какой-то линии и постоянно требовал отчётности от сельсовета. Справки он отвозил в райцентр, где получал новые задания. Все собрания обязательно вёл Епачинцев, а секретарём был Деревнин, который под стать Гришке был пьянь и голытьба. Васька Деревнин целыми днями торчал с удочкой на реке, но имел многодетную семью. Его жена, худая, измождённая, вечно кашляющая женщина, нарожала Ваське восьмерых детей. В рваных лохмотьях те бегали по селу, и сердобольные сельчане, кто как мог, подкармливали грязную сопливую ораву. Когда решили помочь семье и сельсовет выделил Деревнинным тёлку, глава торжественно ввёл животику во двор. Но та постоянно хотела есть, а Васька не стремился заготавливать сено, и никто за скотиной не ухаживал. Васькина жена пыталась как-то повлиять на мужа, но тот всякий раз от неё отмахивался, ссылаясь то на занятость, то на отсутствие необходимого инвентаря. Через две недели корова сдохла. Васька в присутствии двух свидетелей составил акт на списание крупного рогатого скота в количестве одной штуки, отнёс в сельсовет и снова сел с удочкой на берег реки. Зато на всех собраниях он заседал в президиуме как представитель бедняцкого актива. Ему часто доверяли вести протокол.

Последней лежала бумага с окончательным решением:

**Барлакский район.
Кубовинскому Сельизбиркому.
Исполнительный комитет Рег 7 дек 1931г**

Барлакский райизбирком при сём препровождает заявление гр-на ТЕРЕНТЬЕВ вашего с/с о неправильном лишении его в избирательных правах.

Все заявления, поступающие о неправильном лишении избирательных прав на основании инструкции РСФСР от 30, рассматриваются избирательной комиссией, составляющей список и со своим заключением препровождать в вышестоящую избирательную комиссию.

А потому вам предлагается указанную жалобу рассмотреть и со своим заключением выслать в Райизбирком.

Управ. делами Райисполкома
Делопроизводитель

Резолюция: Терентьев Игнат как эксплуататор. Чего и сам не отрицает.

Лишён избирательных прав.

Избирком сельсовета 18/ХП-31. Подпись

Закончив читать, Игнат захлопнул папку и дрожащим голосом спросил:

– Мне теперь что делать? Это же враньё.

Капитан усмехнулся:

– Игнат Кузьмич, неужели вы думаете, что я поверю кулаку и эксплуататору и не поверю государственным органам? Я дал вам прочесть дело, чтобы вы не отвлекали больше компетентные органы. Ваш срок закончился, и по решению тройки вы и ваша семья подлежите высылке в Нарымский край. Завтра вас отправят на пункт сбора, где обеспечат необходимым инструментом, продуктами и вместе с семьёй отправят к месту высылки.

Утром следующего дня Игната посадили в кузов полуторки и в сопровождении двух конвоиров отправили на станцию Иня, где его уже ждала Александра Андреевна с детьми. Их заранее отправили в Новосибирск. Накануне окружком ВКП (б) и окрисполком направили секретарям райкомов, председателям райисполкомов и начальникам районных оперативных групп секретную директиву с указанием отправки кулаков, отбывших различные сроки заключения в отдалённые районы вместе с семьями:

- «1) Мобилизовать необходимое количество, как партийного, комсомольского состава, так и сельского актива.
- 2) Обеспечить своевременную и быструю доставку выселяемых в пункты погрузки с таким расчётом, чтобы они прибыли в последний по указанию нач. опергруппы.
- 3) Обеспечить семьи выселяемых тёплой одеждой, обувью и бельём в установленном количестве.
- 4) Те семьи выселяемых, у коих нет продовольствия, обеспечить последних на 6—7 дней.
- 5) Обеспечить выселяемых, у коих отобраны вещи, необходимым количеством инструментов для лесоразработок.

- б) Ни в коем случае не допускать в число выселяемых семьи кулаков, в составе которых нет трудоспособных мужчин.
- 7) Пункты концентрации кулаков обеспечить надёжной охраной».

Концентрацию кулацких семей сочли целесообразным организовать не в городе, а на железнодорожной станции, подальше от людских глаз.

На станцию подогнали порожняк: состав с пятьюдесятью вагонами для перевозки скота и двумя теплушками. Началась погрузка. Откуда-то появились ещё люди. Как и прежде, это были женщины и дети. Причём детей было большинство. Закутанные в тряпье, они представляли ужасное зрелище. Шум и гвалт прерывался короткими командами конвоиров. Охрана перегоняла ссыльных по мере наполнения вагонов, от первого до хвоста состава. В вагоны загоняли от сорока до пятидесяти человек, в зависимости от состава семей. К хвосту подцепили ещё несколько пустых вагонов. Охрана бесцеремонно выдернула из толпы десятков более-менее крепких мужчин, и они начали загружать продовольствие и сельхозинвентарь. Как только погрузку закончили, состав тронулся. Никто не знал, куда их везут. Только когда замелькали пригородные постройки, стало понятно, что поезд прибыл в Томск. Вагоны поставили в тупик на пустынном разъезде, где они сутки простояли под неусыпным взглядом охраны. Людям не давали ни есть, ни пить, не разрешали выходить из вагонов, поэтому они приспособивали для отправления естественных нужд любые ёмкости, а потом выливали через окно. Из-за грязи и вони к вагонам невозможно было подойти. Через сутки, ночью, вагоны открыли. Свежий ветер накрыл истомлённую толпу несчастных узников. В проёме показалась голова конвойного. Раздался крик:

– Выгружайсь!

Опьянённые хлынувшим в вагоны чистым воздухом, пошатываясь, стали выпрыгивать из вагонов сначала мужики, а за ними женщины и дети.

Охрана велела всем строиться в колонну. Отобрав двадцать пять человек, разбили людей на пятерки, и приказали разгружать вагоны с сельхозинвентарём на подводы, которые подогнали к тупику. Игнат попал в одну из пятёрок и разгружал лопаты. Он с трудом таскал тяжёлые связки, еле передвигая ноги. Сказывалось постоянное недоедание. И без того скудный паёк он делил с детьми, которым не полагалось полноценной пищи. Невыносимо было смотреть в голодные глаза, и кусок не шёл в горло, поэтому к концу поездки он ослаб настолько, что с трудом двигался. Закончив с разгрузкой, Терентьев, шатаясь и падая, бесконечно подгоняемый охраной, присоединился к семье. Неровный строй в сопровождении конвоиров с собаками медленно двинулся к городской пристани, где возле причала стояла порулазвалившаяся баржа. Снова началась погрузка. Затем толпу загнали в трюм и задраили люки. Вечером подогнали пароход, который зацепил развалюху и медленно потащил вниз по Оби.

4. Нарымский край

*Бог создал рай, а чёрт —
Нарымский край.
(поговорка)*

*Кто в Нарыме не бывал,
тот и горя не видал.
(поговорка)*

Уже сутки пароход с громким названием «Пролетарий» тянул по Оби баржу из Томска в Нарым. Сто двадцать семей спецпереселенцев кое-как разместили на старой посудине с полу-сгнившими бортами. Перед отправкой каждой семье выдали по ведру для отправления нужд. Начальник охраны, свирепо вращая глазами, предупредил: если кто нагадит на палубе, а тем более в трюме, будет слизывать языком. Только один раз в день охрана разрешала выносить ведра и сливать за борт испражнения. От вёдер с испражнениями и от скученности переселенцев в трюме стоял невыносимый смрад. На второй день пути, задыхающиеся в зловонном воздухе, люди стали стучать в задраенные люки с требованием прогулок и выхода на палубу. Начальный ропот перерос в явное неповиновение охране. Стали раздаваться крики о том, что лучше пусть всех перестреляют, чем задыхаться в трюмном аду. Рядом с семьёй Терентьевых сидела худая девушка с лицом землистого цвета. Надсадно кашляя, она старалась подползти к щели в люке, но при этом перекрывала хоть и небольшой, но приток живительного воздуха. Отец девушки, не переставая, оттаскивал от люка соседей.

Тарас кое-как обустроился с семейством в углу трюма. Рядом маялись многочисленные дети, одетые в лохмотья, грязные, с язвами на лице и руках. Дети постоянно хныкали и непрерывно просили есть. Дядька в драном треухе вполголоса рассказывал печальной соседке, закутанной в пёстрый платок, о своих мытарствах:

– За что меня Советская власть возненавидела? Земли-то всего кот наплакал. Васька-комсомол на собрании список зачитал. «Мироед» – говорит. А у меня восемь ребятишек, и все есть хотят. С этим списком с городу уполномоченный по деревне пошёл. А с ним пятеро красноармейцев, у каждого винтовка. И что яму моя семья? Сказано: мироед, и вся недолга. Ворвались ночью. Всех на улицу. Даже взять с собой ничего не дали. Той ночью почтальона арестовали, ветеринара забрали, доктора, учителей двух, всех забирали. Через дом они жили. Что деется в стране?

Женщина вздохнула и вытерла концом платка проступившие слёзы:

– У нас всю скотину увели: корову, пару лошадей, свинью, а нас выгнали из хаты. Прямо на улицу. Отчего выгнали? Не хотели вступать в колхоз. Ну, а потом – куда деваться! – поступили в колхоз, робили все. Не помогло. Всё равно кулаки.

Женщина разрыдалась, а дядька повернулся к Игнату и снова стал что-то говорить. Но тот уже не слушал, занятый своими мыслями.

Духота становилась невыносимой. В конце концов, общими усилиями удалось приподнять крышку люка. Охрана решила припугнуть, стреляя в воздух, но громкий стук и крики спецпереселенцев вынудили принять компромиссное решение о частичном проветривании трюма и разрешении часовых прогулок по десять человек.

Измощённые люди с трудом выползали из люка, чтобы глотнуть свежего воздуха. Сырая одежда не согревала. Весенний ветер пронизывал насквозь. Матери с трудом старались согреть детей, одетых в латаные-перелатанные лохмотья. Начались простудные заболевания. От тяже-

лейшей пневмонии скончалось несколько грудничков. Тогда же умерла девушка, сидевшая рядом с Терентьевыми. Начальство вынуждено было причалить баржу к берегу, чтобы похоронить детей. По берегам ещё кое-где лежал снег, и по реке плыли льдины. Баржу с трудом подогнали к голому обрыву. Родители под охраной вынесли закутанные в серые грязные тряпки тельца и тут же на берегу стали долбить мёрзлую землю. Удалось вырыть неглубокую могилку. Охрана мёрзла и торопила, поэтому матери с плачем уложили в ямку небольшие свёртки, а отцы кое-как забросали их землёй. Тут же красноармейцы погнали всех на баржу, и пароход потянул старую посудину дальше по Оби.

Однажды ранним утром баржа остановилась. Прогулки прекратились, и начальник охраны приказал всем выходить с вещами. Баржа была причалена к левому берегу Оби. Под мелким весенним дождём, по хлипким мосткам, людей начали выводить на временный причал. Порывы ветра раскачивали баржу, отчего шатало мостки и причал ходил ходуном. Неожиданным вихрем подхватило маленького ребёнка. Мальчик упал в воду, за ним кинулась мать. Обе головы мгновенно скрылись в водовороте и больше не показывались. Охрана криками стала подгонять замедлившую шаг колонну. На берегу уже стояло несколько подвод с возницами из местных жителей. Переселенцев разделили на две части, выкрикивая семьи по фамилиям, и охрана погнала колонны закутанных в лохмотья людей мимо посёлка Парабель в глубь тайги.

5. Посёлок Новиково

Путь от Парабели до спецпосёлка занял шесть дней. Дорога пролегла по узкой лежнёвке, проложенной ещё до революции ссыльнопоселенцами царской России. Из-за весенней распутицы дороги вспухли от грязи. Две лошадёнки с трудом тащили телеги, загруженные топорами, лопатами и пилами. Третья лошадь тянула полупустую подводку с мешками, на которой сидела детвора. Люди на себе несли скудные припасы. Взрослые дети шли рядом с матерями, сосредоточенно шлёпая самодельной обувкой по грязным лужам. Оборванные, худые, они были похожи на маленьких старичков. Рядом с Александрой Андреевной вышагивали четверо старших, которым было от семи до десяти лет. Младшенькая Софья постоянно хныкала и просила есть. Шагавший рядом охранник со злостью кинул:

– Заткни своего буржуйского выкормыша, иначе на штык посажу.

Это было сказано таким равнодушным голосом, что Александра поняла, если малышку не унять, то он исполнит свою угрозу. Игнат взял её на руки и, как мог, успокоил. Младших удалось пристроить на телегу. Хозяин лошади, вольнонаёмный возчик примирительно спросил красноармейца:

– Что ты на них взъелся?

Солдат зло взглянул на колонну и сквозь зубы процедил:

– Буржуи недорезанные, меси тут грязь из-за них неизвестно сколько.

Софья, которая было затихла и, казалось спала, вдруг открыла глаза и тихо спросила возницу:

– Дядь, а буржуи —это такие нищие?

Мужик только горько усмехнулся.

У посёлка Новиково колоннам устроили переключку. Первую колонну повернули к посёлку, а вторую погнали дальше, на Старицу.

Посёлок Новиково показался спецпереселенцам достигнутым раем. Женщины решили, что могут хоть как-то просушить одежду и согреть детей в невзрачных, низеньких избушках местных жителей. Но конвой повернул в сторону, и комендант велел строить жильё в километре от посёлка. Промёрзлая земля не позволила рыть землянки, у ослабевших в пути спецпереселенцев топоры выпадали из рук. Кое-как мужчины вырубали тонкие слезы, женщины их ошкуривали и ставили шалашом. При этом ребятня на них разложила лапник и сверху прикрыла дёрном. Внутри из таких же жердей соорудили нары, а женщины наковыряли на косогоре глины, и общими усилиями удалось соорудить подобие печи. Первые две ночи пришлось ночевать под открытым небом возле костров. Люди совсем ослабли, многие надсадно кашляли. Особенно тяжело было детям, которые постоянно хныкали и настолько ослабли от постоянного недоедания, что даже не просили есть, а неподвижно лежали, свернувшись калачиком. У Терентьевых внезапно слёг младший, Коленька. Он метался в жару, но помочь было нечем. Коленька скончался в первую же ночь. Игнат отнёс почти невесомое тельце к косогору и стал копать могилку. Земля поддавалась с трудом, лопата то и дело натывалась на камни, но Игнат упорно копал. Углубив яму, он уложил на дно свёрток и молча перекрестился. Взявшись снова за лопату и набросав холм, Игнат хотел помолиться, но молитвы не шли на ум. Закончив скорбное дело, он минуту постоял над холмиком и, не оглядываясь, зашагал к посёлку. Это было первое захоронение спецпосёлка Новиково. Александра Андреевна тогда не могла быть рядом. Она с трудом старалась согреть остальных детей, которые даже не поняли, что произошло. На третью ночь переселенцы перебрались в шалаши, и тут хлынул дождь. Хилая крыша не выдержала обложного ливня, и отовсюду сверху потекло.

Утром в лагерь спецпереселенцев вернулись охранники ночевавшие в посёлке, во главе с комендантом,. Ударами железной палки по лемеху, подвешенному к сучку кривой берёзы,

они попытались выманить спецпоселенцев из убогих жилищ. Хмурые мужики стали выползать из своих берлог, а женщины всё ещё не решались покидать с трудом пригретые места, укутывая дрожащих от холода детей. Комендант раздал прогорклый хлеб и приказал начать заготовку леса для выполнения задания и дополнительно для подготовки строительства бараков. Задание было рассчитано на мужчин, выехавших из Томска, а так как часть по дороге умерла, комендант распорядился работать на лесосеках в том числе женщинам и детям, начиная с девяти лет.

Тайга подступала к самому берегу, поэтому проблем с заготовкой леса не было. Расчистив площадку под бараки, тут же определили отдельный дом для коменданта. Строили быстро, лес не успевал просохнуть, и стены в бараках насквозь продувались. В отличие от бараков, для дома коменданта просушенные брёвна доставили из ближайшего леспромхоза. Когда закончили строить первый барак, спецпереселенцы были рады даже этому жилью. После убогих шалашей можно было хоть как-то обустроить быт.

В первые бараки, рассчитанные на двадцать семей, вселялось сорок и более. Днём на людей нападала мошкара, которая лезла в любое открытое место и буквально выедала плоть. Ночью не давали спать вши. Эти мерзкие твари полчищами заползали во все щели, наполняя более-менее тёплые углы и заполняя швы одежды. Чтобы хоть как-то облегчить жизнь, было принято решение построить вошебойку. В ней круглые сутки работали наиболее ослабленные спецпереселенцы. Но у многих не было смены одежды, поэтому после прожарки они снова надевали на себя полусырое бельё, что приносило только временное облегчение. Один за другим стали умирать люди. Кладбище разрасталось, а комендант отчитывался перед начальством, называя это естественной убылью.

Но всё же быт постепенно налаживался. Спецпосёлок разрастался. Охрана не донимала: их задачей было – предотвратить побег. А какие могли быть побег, если кругом тайга и болота? Единственная связь с Парабелью – узкая лежнёвка. Но там снова комендантура и охранники, а дальше – река. В любом случае схватят. Комендант запрещал выходить за пределы посёлка даже детям спецпереселенцев. А как не ходить в лес, когда наступает лето, есть нечего, а в лесу грибы, ягоды. Даже под страхом смерти ребятишки уходили за пределы посёлка. Софья и Клавдия собирали на болоте клюкву. Так как обуви не было, девочки ходили по болоту босиком. В ледяной воде холод сводил судорогой пальцы ног. Но голод гнал на болото. Дети приходили домой буквально синюшные. После одного такого «похода» младшая Софья слегла на два месяца с двухсторонним воспалением лёгких.

Коменданта интересовал только процент выполнения выработки. При любом срыве работы у коменданта были широкие, почти беспредельные возможности: от лишения продуктового пайка до привлечения к уголовной ответственности. Чаще всего производилось заключение в штрафной изолятор с обязательным выходом на работу. Изолятор представлял собой бревенчатый сарай с небольшим оконцем, забранным решёткой без стекла. В сарае стояли двухъярусные нары и небольшой стол. Там был постоянный холод. Мало кто выдерживал в нём более десяти суток.

Игната поставили на плотницкие работы. Плотничать было, конечно, легче, чем работать на лесоповале. Дел было много. Чтобы не отвлекать от работы женщин, комендант приказал заложить строительство яслей и детского сада. Но пришло указание из Парабели перекинуть силы на строительство школы. В короткий срок построили начальную. Это был длинный барак, разделённый на комнатухи, где в коридоре установили гипсовый бюст Сталина, а на стене повесили плакат, на котором улыбался вождь в окружении розовощёких пионеров и красовалась надпись: «Спасибо родному Сталину». Собрали детвору, и первое время наиболее грамотные спецпереселенцы стали обучать детей читать и писать. Это не устраивало руководство, и однажды из Томска и Новосибирска были присланы молоденькие учительницы. Так, проходя мимо здания школы, Игнат увидел одетых по-городскому девушек. Позже он узнал, что девушки откликнулись на призыв осваивать неприступный Север. Но то, что они уви-

дели на самом деле, ужаснуло молодых людей. Через полгода учительницы исчезли из посёлка, в школе опять появились учителя из спецпоселенцев, раздражая коменданта.

6. Встреча с Василием Ломовым

Была Пасха. Игнат шёл с работы. Невесёлые мысли одолевали рано поседевшую голову. Раньше вся семья Терентьевых собиралась в этот день за столом. Женщины надевали праздничные сарафаны, мужчины до блеска начищали смальцем сапоги. Глава семейства, Кузьма Семёнович, смазывал усы салом, чтобы те не торчали в стороны, как у разбойника, а солидно лежали по обе стороны от бороды, и торжественно выносил поднос с крашеными яйцами во двор. Зычным голосом созывал соседей. Каждый считал за честь посетить двор Терентьевых. Ребятня разбирала яйца и начинала со смехом ими биться. Там же стоял стол с графинами, наполненными «казёнкой», и всё семейство приступало к празднованию. Всем входящим подносилась рюмка водки, произносилось «Христос воскрес» и после тоекратного поцелуя в ответ слышалось «Воистину воскрес». А вечером под гармошку танцевали «барыню», «польку». Кажется, это было в какой-то другой жизни.

Внезапно кто-то его окликнул. Игнат оглянулся и увидел, что его догоняет худой рыжебородый мужчина в сером кафтане. Игнат остановился. В посёлке было не принято разговаривать между собой, тем более с незнакомцами. Мужчина поравнялся с Терентьевым и тихо произнёс:

– Христос воскрес.

Игнат подозрительно оглядел подошедшего, но по старой привычке ответил:

– Воистину воскрес.

И тут же осёкся: кто знает, что можно ждать от незнакомца.

– Скажите, пожалуйста, вы из Кубовой? – тихо спросил мужчина.

– Да. Жил я там, – Игнат насторожился. – А тебе-то какая надобность во мне? – Терентьев отметил про себя, что незнакомец долгое время находился в местах не столь отдалённых. Что-то неуловимо знакомое отпечатывалось на лицах и поведении таких людей. Поэтому он сразу успокоился.

– Я слышал, вы дружили с Тарасом Сизовым.

Игнат от неожиданности вздрогнул. Он знал, что Сизов сколотил «повстанческую армию». Но «армию» вместе с Тарасом всю уничтожили. Поэтому неожиданный вопрос не на шутку его встревожил. Такая дружба могла стоить головы.

– Откуда ты это взял? – с дрожью в голосе спросил Терентьев.

– Вы не бойтесь. Мне сам Тарас говорил. Он из-под раскулачивания сбежал, когда вас с Вагановым брали. Тарас хотел поднять восстание против Советов, да не успел. Когда он собирал повстанцев, я у него связным был. Меня сам Тарас в лесничество устроил на бывшую нашу дачу. Ломов я, Василий.

– Ломов? Сын Семёна Аркадьевича? – Тарас взглянул в лицо собеседника, пытаясь найти знакомые черты. – Как же ты уцелел? Я слышал, тогда всех бойцов красноармейцы положили.

– Так и уцелел. Я ведь в активных действиях не участвовал. На тот момент даже в отряде не был, вот и дали мне пять лет с высылкой. Когда отсидел, сюда сослали. Случайно узнал, что земляк здесь.

– Ты вот что, Василий. Поменьше распространяйся насчёт землячества. Здесь это не приветствуется, а у меня семья, дети. Лучше приходи вечером ко мне домой, там и поговорим.

7. План побега

Вечером того же дня в тесную комнату длинного барака, где ютилась семья Терентьевых, постучали. Комендант и охрана никогда не опускались до этого. Они могли внезапно ворваться в любое время суток, по-хозяйски расположиться за столом и, громко разговаривая, устроить внезапный обыск. Стук в дверь был настолько необычен, что вся семья настороженно застыла в ожидании. В каморку приоткрылась хлипкая дверь, и в проём заглянул Василий Ломов.

– Хозяева, что не отвечаете? Зайти можно? – негромко спросил он.

Терентьев облегчённо вздохнул:

– Проходи, Василий, гостем будешь. Бутылку ставишь, хозяин будешь.

Игнат снял с печки чугунок, в котором варились семь картофелин в мундире, ровно по числу едоков. Дети уже сидели за подобием стола, голодными глазами наблюдая за действиями главы семейства. Василий неловко протиснулся в комнату, тщательно вытер ноги и встал возле стола:

– Шутишь, Игнат Кузьмич, я уж давно забыл, какая она есть, бутылка.

Игнат, наконец, совсем очнулся после появления гостя, пригласил того садиться и посетовал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.